

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА!

ВАДИМУ МАРКОВИЧУ РОЗИНУ 80 ЛЕТ

Вадиму Марковичу Розину, члену нашего редакционного совета и постоянному автору, 28 июня 2017 г. исполнилось 80 лет. Редакция журнала от всей души поздравляет его с юбилеем, желает здоровья и дальнейших успехов в творчестве.

Выступая на юбилее в Институте философии, Вадим Маркович рассказал несколько в ироническом ключе о своем детстве, а также каким образом он видит свою личность, а в конце прочитал свои стихи. Это выступление было записано, и мы его выкладываем с разрешения автора, чтобы читатели нашего журнала составили более полное впечатление о юбиляре.

ИРОНИЧЕСКАЯ ИСПОВЕДЬ К 80-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Говорят, в детстве я был противный ребенок, и ничто не выдавало во мне будущего философа. Однако внимательный психолог заметил бы кое-что. В три года я сунул шпильку от маминых волос в электрическую розетку над диваном и отлетел метра на два; в четыре, чтобы понять, как устроен пищевод, я проглотил шуруп, а потом 10 копеек (в результате мама в панике заставила меня съесть две тарелки манной каши с комками; до сих пор не понимаю, как я ее проглотил); в пять лет я придумал способ определить, сплю я или нет: дергал себя во сне за ухо. Так что интерес к по-

знанию у меня прорезался уже в юном возрасте.

Читать книги я начал поздно, зато потом не мог остановиться; читал даже ночью под одеялом, чтобы мама не увидела, с фонариком. В школе учился неровно: то двойка, то пятерка, поскольку день и ночь читал. Был период, недели три, когда вместо школы я шел в метро, где продолжал читать, а потом, как ни в чем не бывало, возвращался якобы из школы. Писал чудовищно, по 10–15 ошибок на странице, зато в литературном отношении так, что при поступлении в вуз преподаватели литературы были

уверены, что я списал у кого-то из великих писателей, только вот у кого, не могли вспомнить.

В армии я впервые встал на путь борьбы с несправедливостью, выступив против командиров своего взвода, издевавшихся над моими товарищами по службе. Дальнейшая наша дискуссия была перенесена на плац, где я в противогазе отмерял круг за кругом, а ночью мыл полы и посуду на кухне. Но я всё-таки победил, доказав, что интеллект выше самолюбия и власти командиров.

Мое философское «грехопадение» произошло после встречи с Георгием Петровичем Щедровицким. Не знаю, был ли он падшим ангелом или его поцеловал Господь, только мыслил он как небожитель и меня заразил этой прекрасной болезнью. Когда же я сообразил, что на меня, как и на Щедровицкого, «село мышление», то не стал подобно Щедровицкому восторгаться этим обстоятельством, а попробовал вернуться из-под прекрасного космического наездника и в свою очередь оседлать его. Так мы и живем: каждый думает, что управляет другим.

Мой первый брак был искренний, но незрелый, как и я сам в те годы. Второй – выстраданный и протекавший по всем правилам изящной литературы: любовь, расставания, снова встречи, безнадежность, – но всё закончилось хорошо, таким браком, который, как говорят в церкви, заключается на небесах. В общем, от судьбы не уйдешь.

Под влиянием Щедровицкого я верил, что можно не только объяснить, но и переделать мышление, конечно, других людей, ведь мы – духовная аристократия. Реальные события, однако, показали, что методологи не только «проиграли перестройку», но и не смогли серьезно повлиять ни на власть,

ни на интеллигенцию. Постепенно я понял, что если и можно кого-то со временем переделать, то только самого себя, да и то получается это не так, как планируешь.

Я люблю людей, люблю думать, решать проблемы, писать статьи и книги, люблю свою жену и детей, люблю собирать грибы и слушать музыку. Не люблю, когда меня отвлекают от творчества и когда не получается задуманное.

По части реальности у меня большие сомнения: есть она или ее нет вообще. С одной стороны, в этом трудно сомневаться, ведь ее можно пощупать, хотя бы самого себя. С другой – занятия философией и поступки людей не внушают оптимизма и веры во что-то осмысленное, постоянное и твердое. Мне близки афоризмы Сартра:

«Человек есть то, что он из себя делает и как творит себя, он существует лишь настолько, насколько себя осуществляет.

У человека в душе дыра размером с Бога, и каждый заполняет ее как может.

Мне кажется, что у каждого из нас есть свое отчаяние, тенью следующее за нашей уверенностью в себе, за нашим спокойным настоящим».

Возраст свой я не понимаю и ощущаю как прямое противоречие. Я знаю, 80 лет – это старость, да и зеркало не обманешь, но чувствую себя как будто вне времени. Мой учитель уже при жизни считал, что попал в историю; кстати, так и оказалось – в какую-то историю он попал. Я же просто стараюсь достойно пройти предназначенный мне путь. Куда я попаду, решать не мне. Как однажды хорошо сказал Сергей Аверинцев, «я стараюсь, но человек сам себе не судьба». И я стараюсь. Судить себя не берусь, но и оправдывать тоже не хочу. Одна из моих жизненных установок дзенская: «ничего не жди, и будь ко всему готов». Но оказывает-

ся, к старости подготовиться нельзя. Поэтому я живу вне времени. Я не старый и не молодой, я – это я.

В последней своей работе «Послезаконие» Платон, которому, возможно, было примерно столько же лет, как и мне, пишет про себя в третьем лице: «И в шутку, и всерьез я стану настойчиво утверждать, что такой человек, даже завершая свою жизнь, на смертном одре не будет, как теперь, бояться смерти, но станет единым, будет счастливым, чрезвычайно мудр и вместе с тем блажен».

Увы, хотя я очень ценю Платона, мое состояние далеко от этого идеала. Доминируют тревожность и переживание за родных, друзей, страну. Да и старость не радость. Мягко сказать, с трудом ее принимаешь.

Тем не менее мне грех жаловаться. Кажется, я состоялся в творчестве. И дело даже не в статьях и книгах, которых много. Мало ли кто сегодня печатает книги. Пишешь как бы в пустоту, поэтому интересно мнение других. Например, меня порадовало письмо из Киева от человека, с которым я не знаком. Он пишет: «Вас знают и ценят в Украине. Лично на меня Ваши книги и Ваше творчество оказали серьезное влияние. Спасибо Вам! Здоровья Вам и дальнейших творческих прозрений. С уважением, Главный редактор журнала *Philosophy and Cosmology* Олег Базалук». А в Китае понравилась моя книга «Философия техники», предлагают ее перевести на китайский.

Грех жаловаться и потому, что жена меня терпит, жалеет и любит, а дети справляются с жизнью, некоторые даже успешны.

Мне 80 лет, но я пишу, сочиняю, преподаю как бы наравне с молодыми.

Наконец, худо-бедно справляюсь с болезнями.

Я бы не смог так держаться и идти вперед, если бы не друзья. Они не просто прекрасные люди, это само собой. Мои друзья задают такую высокую планку, что поневоле, чтобы им соответствовать, я вынужден тянуться вверх, поэтому не стою на месте, бегу, стараюсь быть лучше.

Мне близки мечтания Пушкина, которые он не мог осуществить:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

И дальше прозой: «О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические – семья, любовь etc. – религия, смерть».

Закончить я хочу стихами, написанными в прошлом году:

Осень, желтый листопад –
Бормочу я внепопад.
Каждое дерево – огонь,
Загорится, только тронь.
Нынче осень хороша.
Бреду, листьями шурша,
Вспоминаю то, что было,
Ты, конечно, не забыла:
Осень, желтый листопад –
Говорили невпопад...

Вадим Розин